

Роль М.И. Голенищева-Кутузова в Аустерлицкой операции

То, что Аустерлицкое сражение состоялось и было проиграно 2 декабря 1805 г. из-за того, что молодой, некомпетентный и самолюбивый император Александр I не внял голосу талантливого и многоопытного М.И.Кутузова, давно уже стало общим местом в советской историографии и было растиражировано по всем вузовскимⁱ и школьным учебникам, т.е. вошло в массовое сознание и стало таким образом на этом уровне исторического сознания – аксиомой. И сегодня она, хотя и в не столь идеологически жесткой форме, но повторяется вновьⁱⁱ. Пожалуй единственный кто пока что пытается внести ясность в этот вопрос профессор Н.А.Троицкийⁱⁱⁱ. Однако и он не дал полного ответа на вопрос: почему же император не согласился с полководцем и дал злосчастное сражение?

Как кажется, вопрос надо ставить несколько в другой плоскости: почему в течение всего своего царствования Александр I испытывал по отношению к Кутузову раздражение и недоверие? Ответ, думается, должен быть следующим: на Александра действительно оказали влияние идеи Ж.Ж.Руссо и прочих просветителей, конечно, в той мере, в какой они вообще могли быть восприняты любым царственным юношей, готовящимся рано или поздно стать самодержцем. По этой причине ему не могли быть духовно близки придворные «куртизаны» екатерининского века, он мог их использовать и терпеть, но не более, а Кутузов был одним из них.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был очень цельной личностью, но эта цельность не имела никакого отношения к личностной цельности великого Суворова, что Кутузов к сожалению, и продемонстрировал в роковые дни ноября 1805 г. Он очень чутко воспринял знаменитый екатерининский лозунг: «живи и жить давай другим». Среди своих современников он выделялся воинским талантом и необычайным умом, но во всем остальном был прилежным сыном своего века. Довольно рано Кутузов понял, что карьера делается не только на поле битвы, но и на паркете Зимнего дворца, а ещё вернее в приемной императрицына фаворита. Неслучайно, в 1822 г. Пушкин в своих «Заметках о русской истории XVIII века» писал: «Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить... об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Кутузова и проч. и проч.»^{iv}. Угодничество о котором пишет молодой поэт, хорошо известное всем в петербургском аристократическом обществе, вызвало за тридцать лет до написания этих строк осуждение и у тогдашней молодежи: хорошо известно, что в 1795 г., когда Кутузов был директором Сухопутного шляхетского (1-го кадетского) корпуса, кадеты, зная о его приспешничестве у презираемого фаворита, кричали своему директору, садившемуся в карету, чтобы ехать к всесильному временщику: «Подлец, хвост Зубова!»^v. Однако, современникам было хорошо известно, что Кутузов своим искательством (он собственноручно варил кофе по-турецки для П.А.Зубова, а потом приносил ему в кофейнике) не только получил пост директора корпуса, но и нажился на продаже земельных участков в столице, корпусу принадлежавших. История эта всплыла уже в царствование императора Павла I и была замята старанием великого князя Константина Павловича^{vi}. Все это действительно не делало чести видному генералу и роняло его в глазах не только юных кадетов, но и молодых аристократов, воспитанных уже не в куртуазном, но в умеренно руссоистском духе, а именно они и составляли окружение молодого великого князя Александра, который и сам держался таких же убеждений.

В царствование императора Павла I, карьера М.И.Кутузова продолжала развиваться успешно, в то время как Суворов вскоре оказался в ссылке, такая «уживчивость» бывшего Зубовского «ласкателя» много может сказать о его ловкости и моральной эластичности. Он становился все более придворным генералом и не

отправился в 1799 г. вместе с Суворовым на поля Италии, что не помешало в сентябре 1800 г. Михаилу Илларионовичу получить из рук государя орден Святого Апостола Андрея Первозванного за ... искусно проведенные маневры. К слову сказать, Суворов получил эту же высшую награду в 1787 г. за блистательную битву на Кинбурнской косе, в которой он был дважды ранен и терял сознание. Вряд ли такое награждение могло улучшить мнение, теперь уже цесаревича Александра о моральных качествах генерала, но, очевидно, поддержало его полководческую репутацию, тем более, что Суворов уже в мае 1800 г. отошел в мир иной. В последние месяцы жизни император Павел I особенно приблизил к себе Кутузова и тот присутствовал на его последнем вечере 11 марта 1801 г.

Новый государь уже через три месяца после начала своего царствования назначил Кутузова на один из важнейших государственных постов – Санкт-Петербургского военного губернатора, вместо только что отправленного в опалу организатора недавнего переворота графа П.А. фон дер Палена. Через несколько дней он стал членом Военской комиссии, и вскоре командуя войсками Финляндской дивизии, так в его руках была сосредоточена очень большая военная и административная власть. Все эти назначения говорили о том, что молодой император ценил его организаторские способности и рассчитывал на ловкость опытного придворного, нужную на таких постах. Кроме того, выдвижение Кутузова хорошо укладывалось в общую тогдашнюю политику Александра I: использовать опыт «екатерининских орлов». Однако, вскоре императору пришлось столкнуться с поразительной нерасторопностью маститого генерала на ниве поддержания порядка в столице.

Весною 1802 г. Санкт-Петербург был потрясен страшным преступлением: по приказанию великого князя Константина была изнасилована г-жа Араужо, она умерла от этого насилия, по повелению императора Кутузов должен был расследовать это страшное преступление, чтобы были «виновные открыты, несмотря на лица, звания и место их»^{vii}. Однако, как отмечал князь С.Г.Волконский: «Несмотря на вызов его (т.е. Александра I. – Б.К.), ничего не открыто, преступные лица остались без должного взыскания. Царедворцы во все времена одинакового покроя»^{viii}. Через несколько месяцев произошла история с поручиком Л-гв Семеновского полка А.Шубиным, который то ли надеясь покрыть огромные долги, то ли приобрести значительность, придумал что есть заговор в пользу Великого князя Константина, с целью свергнуть императора и возвести великого князя на престол. Для большей достоверности Шубин инсценировал покушение на самого себя в Летнем саду. История эта наделала такого шума, что иностранные послы оповестили о ней своих государей, в т. числе ген. Эдувиль первого консула Бонапарта^{ix}. Естественно, что раскрыть дело требовал уже престиж императора и государства, и снова у Кутузова ничего не получалось. Тогда Александр I сместил его с высочайшего поста «по расстроенному здоровью» и вскоре виновный был изобличен и осужден^x. Так как в обоих этих громких преступлениях фигурировало так или иначе имя цесаревича Константина^{xi}, то становится понятной «нерасторопность» М.И.Кутузова. Как мог он навредить тому, кто спас его от разоблачений в хищениях на посту директора Сухопутного шляхетского корпуса. Долг свой Кутузов таким образом цесаревичу вернул, но репутацию в глазах императора ещё более испортил, думается, что именно с этого времени недоверие к моральным качествам полководца у государя окончательно укрепилось. Хотя это пока не отразилось на мнении о его военных способностях.

Смещенный 20 августа 1802 г. с поста военного губернатора столицы Михаил Илларионович два года провел не у дел и лишь в августе 1804 г. был снова вызван, теперь уже командовать корпусом на маневрах, т.к. обострились отношения с Францией, но по их окончании снова покинул Санкт-Петербург. Прошел еще год и лишь летом 1805 г. полководца вызвали из поместья и назначили командовать Подольской армией, предназначенной к походу через Австрию на Наполеона. Назначение было, конечно, лестным, но это была лишь одна из трех русских армий, готовящихся к отправке на театр войны, таким образом, главнокомандования император полководцу не поручил. Однако,

капитуляция 20 октября австрийской армии К. фон Макка в Ульме и необходимость организовать спешное отступление 49 тыс. Подольской армии, дошедшей уже до баварской границы, фактически превратили М.И.Кутузова в главнокомандующего. Он блестяще выполнил свою нелегкую задачу и преодолев все опасности сохранил Подольскую армию и довел её, отступая в Моравию, до соединения с Волынской армией ген. Ф.Ф.Буксгевдена, который был подчинен ему. Император Александр был доволен действиями Кутузова в этот период и через четыре месяца, несмотря на Аустерлицкий погром, наградил его орденом Святого Владимира I степени^{xii}.

Итак, до 25 ноября (нов. ст.) действиями Кутузова были довольны. Но в этот момент в ход военных действий вмешался император Александр. Советские авторы всегда давали несколько расплывчатое объяснение почему он решился наступать и дать сражение, справедливо приводя целый комплекс причин^{xiii}, почему-то обошли важнейший мотив, личный, который для русского государя был несомненно очень важен, и это при том, что источник сведений им был несомненно хорошо известен – мемуары князя А.Чарторыжского: «Александр торопился приехать в Ольмюц, где его ожидал император Франц ... Короткое пребывание в Ольмюце ушло на переговоры относительно предстоящих действий. Полковник Вейротер, назначенный начальником генерального штаба, провел с нами некоторое время в Пулавах^{xiv} и сумел приобрести большое влияние на образ мыслей Александра... Пребывание в Ольмюце Вейротера и Долгорукова, пыл которого действовал заразительно на императора, немало способствовал его воодушевлению. Тем временем приехал граф Кобенцль^{xv}. Он проронил несколько неосторожных фраз о том, что в трудные минуты монархам необходимо становиться самим во главе войск. Император решил, что в этих словах заключается совет или, может быть упрек. Не обращая больше никакого внимания на наши советы, он не придавал значения нашим настоятельным указаниям на то, что его присутствие при армии лишит Кутузова возможности осторожно руководить действиями войск, чего приходилось опасаться, в особенности, в виду робкого характера Кутузова и его привычек придворного. Итак, император отправился к армии»^{xvi}.

Следовательно, движущим мотивом, весьма важным для Александра I, было чисто человеческое чувство: боязнь, что его могут счесть малодушным или неискренним – ведь это он втянул Австрию в войну, а теперь, когда Вена в руках Наполеона и он сам стоит перед русской армией, русский император, в присутствии столь уже пострадавшего императора австрийского, просто не может продолжать отступление, его престиж, его доброе имя, его слава требуют атаковать Бонапарта.

А что же Михаил Илларионович? Произошло то, что предрекал князь А.Чарторыжский: «Наш главнокомандующий из человекоугодничества согласился приводить в исполнение чужие мысли, которые в душе своей не одобрял»^{xvii}. Да и смел ли он, зная какова его репутация в глазах государя, поступить иначе? Всего его мужества хватило чтобы поступить как истинный придворный: «Накануне сражения, за час до полуночи, генерал Кутузов, из робости уступивший Императору, явился к обер-гофмаршалу Толстому^{xviii} и просил его использовать своё влияние, дабы предотвратить неизбежное по всем признакам поражение. Толстой осердился и сказал, что его дело – пулярки и вино, а войной должны заниматься генералы, - вот как начиналась битва!»^{xix} Этот эпизод сообщил граф Ж. де Местр королю Пьемонта и Сардинии Виктору Эммануилу I в письме от 10 (22) марта 1806 г. со слов самого графа Н.А.Толстого, с которым, равно как и с его братом П.А.Толстым, он был в дружеских отношениях.

Именно это поведение М.И.Кутузова вызвало жестокое осуждение со стороны русских военных историков XIX века, вот что писал о нем такой выдающийся авторитет как Г.А.Леер: «не в недостатке искусства можно винить Кутузова за Аустерлиц (что ещё лучше подтверждают его действия в 1811 году в Турции (Рушук), и в 1812 г.) и не в недостатке боевого мужества, доказанного им личным участием в сражении и полученною раной, но под Аустерлицем ему недоставало гражданского мужества сказать

всю истину юному императору с тем, что б с этим предупредить одно из величайших бедствий для Отечества (чем и объясняется охлаждение государя к Кутузову, продлившееся до 1812 г.).

Такова личная вина, вина большая Кутузова. Во всё же остальном виновато то фальшивое положение, которое обратило его в главнокомандующего безвластного и бесправного»^{xx}.

Спустя 15 лет тот же упрек трижды произнес в адрес полководца другой маститый военный историк, генерал-лейтенант И.А. Гейсман, когда писал статью для Русского биографического словаря: «И, тем не менее – австрийцам, а не Кутузову вверена была судьба армии. Почему Кутузов был поставлен в такое ужасное положение? Почему он примирился с выпавшею теперь на его долю ролью номинального главнокомандующего, имя которого покрывало соображения австрийского генерал-квартирмейстера (Вейротера. – Б.К.) штаба? .. Кутузов, быть может, надеялся хитростью добиться того, что считал он необходимостью, и добиваться чего открыто у него теперь не хватало гражданского мужества»^{xxi}. «...а Кутузов снова очутился в самом жалком положении – и на этот раз у него не хватило гражданского мужества доложить всю правду (о диспозиции сражения, составленной Вейротером. – Б.К.) Государю, да и нельзя утверждать, чтобы такой доклад имел бы успех, если бы даже Кутузов его и сделал»^{xxii}. «Один Кутузов понимал обстановку и, по-видимому предвидел поражение, но он не мог поправить дела, ибо его не слушали. Он должен был бы, может быть, прямо указать Императору очевидную неизбежность неудачи – он этого не сделал, быть может предполагая, что его не послушают, и не имел достаточно гражданского мужества решиться тем не менее на это, чтобы вывести Государя из его заблуждения. Это ему долго простить не мог император Александр I, считавший его чуть не главным виновником неудачи.

Во всю Аустерлицкую операцию Кутузов находился в положении недостойном главнокомандующего и то обстоятельство, что он примирился с этою ролью, не говорит в его пользу»^{xxiii}.

Так полководец Кутузов потерпел поражение от Кутузова-придворного, страсть к приспособничеству и угодничеству, которой тот отдавался в дни мира, замкнула ему уста и лишила его доброй воли в час войны. Может быть он и был способным учеником великого Суворова в искусстве боя, но не усвоил главных уроков князя Италийского – уроков гражданственности. Он никогда не был беспорочен как Суворов, вот и не смог поступить как этого требовал долг гражданина и верноподданного в роковую минуту Аустерлица. Он не мог отстаивать свое мнение перед государем, хотя и был прав, потому что понимал: государь не доверяет ему, потому что знал ПОЧЕМУ император не доверяет ему, и что самое страшное для Кутузова, ему нечего было сказать в свое оправдание. Он предпочел принять роль послушного придворного, но на войне это недопустимо.

К счастью, в 1812 г. Кутузов принял командование над армией уже в отсутствие государя и потому смог пересилить свои инстинкты придворного, хотя и оставался верен своей морали. В этих исключительных обстоятельствах, не стесняемый августейшим присутствием, он полностью раскрыл свой военный талант и завершил жизненное поприще с именем спасителя Отечества, покрывшим все его человеческие грехи, слабости и недостатки.

ⁱ История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. проф. П.П.Епифанова, проф. В.В.Мавродина. Изд.5-е. М., 1983. С.470.

ⁱⁱ Павленко Н.И., Андреев И.А., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 года. Изд.3-е. М., 2004. С.418.

ⁱⁱⁱ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон– М., 1994. С.105-106.

^{iv} Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т.6. М., 1950. С.9.

^v Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С.122.

^{vi} Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С.44.

-
- ^{vii} Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С.101.
- ^{viii} Там же.
- ^{ix} Внешняя политика России в XIX-нач.XX в. Сб. документов. Т.1. М., 1960. С.234, 236.
- ^x Записки графа Е.Ф. Комаровского. С.77-80.
- ^{xi} Он стал им на основании закона о престолонаследии 1797 г., сразу же по воцарении бездетного Александра I.
- ^{xii} Кутузов М.И. Сб. документов. Т.2. М., 1950. С.338.
- ^{xiii} Тарле Е.В. Сочинения в 12-ти томах. Т.7. М., 1959. С.157-158; Ожунь С.Б. История СССР: Лекции. Ч.1. Конец XVIII - нач. XIX в. Л., 1947. С.168-170; Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 416-418.
- ^{xiv} Имение князей Чарторыхских.
- ^{xv} Вице-канцлер, министр иностранных дел Австрийской империи, известный дипломат, хорошо знавший Александра I, ещё когда был австрийским послом при Екатерине II.
- ^{xvi} Мемуары князя Адама Чарторыхского. Т.1. М., 1912. С.358-359.
- ^{xvii} Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Ч.2. Иркутск, 1982. С.153.
- ^{xviii} Граф Н.А. Толстой.
- ^{xix} Граф Жозеф деМестр. Петербургские письма. СПб., 1995. С.63.
- ^{xx} Леер Г.А. Подробный конспект войны 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С.57-58.
- ^{xxi} Русский биографический словарь. Т.9. СПб., 1903. С.650.
- ^{xxii} Там же. С.652.
- ^{xxiii} Там же. С.654.